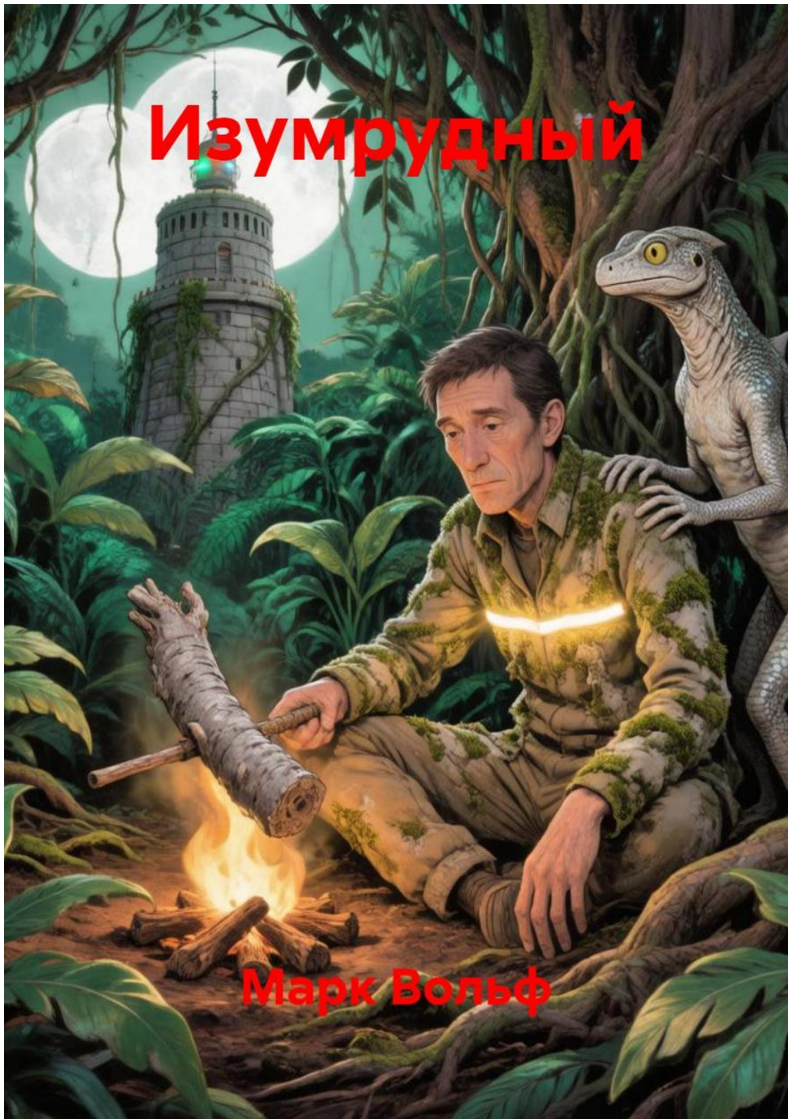

Изумрудный

Марк Вольф

Марк Вольф

Изумрудный

<https://litres.ru/73941584>

SelfPub; 2026

Аннотация

Виктор из Орска умеет молчать — и этим платит ключникам за проход сквозь Врата. Он ищет тишину и находит её на планете Эйфория, где живут ящеры, потерявшие свою цивилизацию. Но ключники не разрешают ему остаться. Единственный способ: пройти обряд «введения в род» и стать частью чужой памяти. А потом лес начинает отвечать. История о выборе, пустоте и зелёном свете джунглей. По мотивам романа «Спектр», в стиле Сергея Лукьяненко.

Марк Вольф

Изумрудный

Глава первая. Изумрудный.

Каждый уважающий себя путешественник знает: дорога начинается не с билета. Дорога начинается с прощания. С того мгновения, когда ты закрываешь за собой дверь и слышишь, как замок щёлкает, отрезая тебя от привычного мира. В этом щелчке — и облегчение, и горечь. Особенно если едешь ты из Орска.

Виктор не любил свой город. Не потому, что город был плох — просто он был его, а себя Виктор не слишком жаловал. Тридцать два года, холост, работа в охранном агентстве — «смотри за порядком, но не высывайся». Высываться он и не пытался. До тех пор, пока не нашёл в интернете старую, пыльную статью о ключниках.

Статью написал какой-то сумасшедший энтузиаст, утверждавший, что Врата ключников можно активировать не только историей, но и молчанием. Якобы если простоять перед ключником ровно час, не проронив ни слова, и при этом думать о чём-то совершенно пустом — например, о том, как течёт вода из крана, — то ключник сочтёт это «историей о

внутренней пустоте» и пропустит.

Виктор не верил в эту чушь. Но он проверил. И, к его собственному удивлению, сработало. Ключник в московской Станции, лениво перебиравший колоду засаленных карт, поднял на него пустые глаза, кивнул и сказал: «Входи во Врата, путник».

С тех пор Виктор путешествовал. И, как идиот, вёз с собой пачку сухого пайка, термос и комплект солнечных батарей, вшитых в походный костюм. Выглядел он в нём как новогодняя ёлка, которую наряжали слепые. Но деваться было некуда — на Земле такой костюм стоил как подержанный автомобиль, и Виктор его ни разу не надевал. На других планетах — другое дело. Там даже ёлка может сойти за авангардного путешественника. Особенно если вокруг — джунгли, где синтетика не прогнивает за день и тебя не жрут личинки прямо через ткань. Правда, жрут всё равно, но медленнее.

Московская Станция встретила его привычным гулом. Очередь на паспортный контроль — человек двадцать, большей частью озабоченные туристы с рюкзаками, набитыми консервами и носками. Пограничник с усталыми глазами мельком глянул на паспорт, спросил:

— Опять?

— Опять, — ответил Виктор.

— И куда на этот раз?

— Эйфория. Зелёный список.

Пограничник хмыкнул, поставил въездную визу, протянул паспорт.

— Счастливого пути. Только смотрите там, ящерицы говорят, не очень дружелюбные.

— Они не говорят, — поправил Виктор. — Они шипят.

— Тем более.

Виктор двинулся к терминалам. Станция ключников в Москве была уродливой — бетонные купола, зеркальные стёкла, маяк из неоштукатуренного бетона. Единственным намёком на эстетику служили плющ и дикий виноград, упрямо оплетавшие стены. Природа брала своё даже здесь. Виктор подумал, что это ирония — он летит на планету, где природа победила окончательно, а ключники, похоже, знали об этом и заранее поставили декорации.

Он вошёл в зал ожидания. Свободных кресел было мало, но Виктор не собирался ждать. Он подошёл к двери с табличкой «Приём у ключника» и постучал.

— Войди, — донеслось изнутри.

Ключник сидел в кресле-качалке. Тощий, сторбленный, с жидкой чёрной шерстью и коротким треугольным хвостом, который нервно подрагивал — то ли от ветра, то ли от скуки. На столе перед ним стояли два бокала, кувшин с чем-то оранжевым и тарелка с печеньем — подозрительно напоминавшим «Юбилейное». Виктор даже проверил этикетку мысленно — нет, точно такое же. Он слышал, что один путешественник по имени Мартин как-то спросил у ключника про печенье. Мартин тогда отказался от всемогущества на Талисмане — говорят, просто взял и не стал богом. Виктор не знал, зачем он об этом вспомнил. Может, к лучшему.

— Здравствуй, ключник, — сказал Виктор, садясь напротив.

— Здравствуй, путник. Здесь грустно и одиноко. Поговори со мной.

Виктор вздохнул. Он всегда вздыхал перед рассказами, даже когда истории были готовы. Сейчас он придумал её ещё

в поезде Орск — Москва, глядя в замызганное окно плацкарта и жуя плавленый сырок, купленный у проводницы.

— Я расскажу тебе о человеке, который искал тишину, — начал он. — Не ту тишину, что наступает, когда замолкают все вокруг, а ту, что рождается внутри. Когда перестают звенеть обиды, когда затихает голос, который твердит: «Ты недостаточно хорош, ты никчёмный, ты зря занимаешь место под солнцем».

Ключник отпил из бокала. Сок, судя по цвету, был манговым. Или морковным. Виктор никогда не умел отличать.

— Человек этот жил в маленьком городе посреди степи, — продолжил он. — Город назывался Орск. Там не было ничего, кроме заводов, пыли и тоски. Работал он охранником — смотрел на мониторы, где по коридорам бродили скучающие люди. Он никого не ненавидел. Он просто... не чувствовал себя живым. Однажды он прочитал, что если простоять перед ключником час, думая о пустоте, то ключник пропустит тебя в иные миры. Это была, конечно, ерунда. Но человек проверил. И — о чудо — сработало. Или не о чудо. Просто ключнику надоело слушать чужие байки, и он решил пропустить идиота за компанию.

Ключник улыбнулся — едва заметно, уголками губ. Это

была не улыбка, а скорее намёк на неё, как скидка в супермаркете — вроде есть, а вроде и нет.

— С тех пор человек странствовал. Он побывал на Хляби, где дождь идёт триста дней в году, и понял, что тишина бывает мокрой. Он побывал у дио-дао, где жизнь длится полгода, и понял, что тишина бывает короткой. Но нигде он не нашёл того, что искал. Потому что, как выяснилось, он искал не место. Он искал себя. А себя не найти — себя можно только создать.

Виктор замолчал. Ключник тоже молчал, раскачиваясь в кресле. Печенье на столе, казалось, прислушивалось.

— И что же он сделал? — спросил наконец ключник.

— Он решил отправиться на планету, где нет ни городов, ни машин, ни даже языка. Только джунгли и ящерицы, которые помнят, что когда-то их предки летали к звёздам. Он надеется, что в этом забытом мире он сможет забыть себя. Или, наоборот, вспомнить.

— Ты развеял мою грусть и одиночество, путник, — сказал ключник. — Входи во Врата и продолжай свой путь.

Виктор кивнул, поднялся. Уже у двери он обернулся:

— А то печенье... оно с маком?

— С корицей, — ответил ключник.

— Жаль.

День первый.

Эйфория пахла гнилью и цветами. И ещё — почему-то — жареной картошкой. Виктор потом понял, что это пахли корни каких-то деревьев, когда их перетирали ящеры. Картошки здесь, конечно, не было. Только иллюзия.

Станция ключников на Эйфории выглядела как каменная башня, оплётённая стволом гигантского дерева. Ствол был толщиной с дом, а уходил вверх — в изумрудный сумрак крон — на сотни метров. Ветви переплетались так плотно, что солнце почти не пробивалось, и свет был зелёным, аквариумным. Виктору показалось, что он провалился в бутылку «Спрайта», только без пузырьков.

Станция стояла на высоте — метров тридцать над землёй. Виктор огляделся. Внизу, под пологом леса, копошились тени. Ящерицы. Гуманоидные, ростом чуть ниже человека, с блестящей чешуёй всех оттенков зелёного — от бледно-салатового до почти чёрного. Они не носили одежды,

только перевязи из лиан и кожаные сумки, явно сделанные из собственных выползков. Экологично, подумал Виктор. И невольно погладил синтетику своего костюма.

Одна из ящериц — Виктор почему-то решил, что это самец, хотя половых различий почти не было, — подняла голову, посмотрела на него и что-то прошипела. Шипение было музыкальным, с модуляциями, напоминавшими речь.

— Не понимаю, — сказал Виктор вслух. — Я не знаю вашего языка.

Ящерица склонила голову набок, потом достала из сумки кусок дерева и выжгла на нём несколько знаков. Знаки складывались в слово:

«Приветствуем».

Виктор улыбнулся.

— Приветствую и я.

Он начал спускаться по верёвочной лестнице, привязанной к корням дерева. С каждым шагом зелёный свет становился гуще, а запахи — настойчивее. Костюм тихо шуршал, солнечные панели жадно впитывали рассеянное сияние —

бесполезное занятие, но аккумуляторы были почти полны.

Внизу его ждали. Три ящерицы — двое помоложе, один старый, с потускневшей чешуёй и мутными глазами. Старый поднял руку с тремя пальцами, сложил их в знак, похожий на человеческий кукиш, и прошипел долгую фразу.

Виктор не понял ни слова. Но вдруг в голове всплыло — не воспоминание, нет, скорее ощущение, что когда-то он уже слышал этот язык. Во сне. Или в другой жизни. Или просто ключники позаботились о том, чтобы туристический допуск включал в себя подкорку.

— Вы потеряли то, что знали, — сказал он медленно. — Ваши предки умели летать между звёздами. А теперь вы охотитесь с каменными ножами.

Ящерица кивнула. Потом указала пальцем вверх — на Станцию ключников, потом на землю.

— Они пришли, — прошипела она, и Виктор вдруг понял это как «Ключники пришли слишком поздно. Мы уже забыли, кто мы. Мы помним только, что должны помнить».

— Я не дам вам технологий, — сказал Виктор. — Не имею права. Я — никто.

Ящерица улыбнулась — точнее, приоткрыла пасть, показывая мелкие острые зубы.

— Не надо технологий. Расскажи историю.

Виктор помолчал. Потом сел прямо на землю, покрытую лишайником и мхом. Земля была мягкой, тёплой, живой — под ней, казалось, билось сердце планеты.

— Хорошо, — сказал он. — Слушайте.

И он рассказал им историю о человеке, который искал тишину и нашёл её в зелёном свете джунглей, среди ящериц, которые помнят звёзды. Он рассказал и про свой рассказ ключнику — про пустоту. И про то, как понял, что пустота — это не отсутствие, а ожидание. Как комната, в которую ещё не занесли мебель.

Когда он закончил, старый ящер поднялся, подошёл к нему и положил на плечо холодную чешуйчатую ладонь.

— Ты, — сказал он, — говоришь, как дерево. Медленно и вверх. Оставайся на ночь. Завтра покажем тебе дом.

И добавил, чуть помедлив:

— Меня зовут Кшш-та-ра. Это значит «Тот, кто слышит корни».

Виктор хотел представиться в ответ, но понял, что его имя на языке ящеров прозвучит как свист или треск. Поэтому он просто кивнул. Этого оказалось достаточно.

День второй.

Ночь Виктор провёл в дупле. Не в том, что с фресками, а в гостевом — маленьком, пахнущем трухой и чем-то кислым, вроде прокисшего теста. Пол устлали широкие листья, пружинившие, как матрас, набитый не до конца. Уснуть удалось только под утро, когда хор ночных тварей сменился вялым дневным шелестом. Разбудила его мошкара.

Местная мошка была размером с ноготь мизинца, бирюзовая, с янтарными крыльями и полным отсутствием страха перед пришельцами из другого мира. Виктор прихлопнул первую тварь на щеке, потом вторую на шее, потом сбился со счёта. Через час его лицо покрылось россыпью мелких волдырей — кожа зудела так, будто он упал в крапиву и не мог выбраться. Ящеры смотрели на него без насмешки, но с отчётливым любопытством.

— Почему вы не чешетесь? — спросил Виктор, яростно

скребя запястье.

— У нас чешуя, — ответил Кшш-та-ра. — А ещё мы жуём горький лист. Он пахнет так, что мошка не прилетает. Хочешь?

— Хочу.

Лист оказался не просто горьким — он был таким, будто Виктор разжевал таблетку анальгина пополам с полынью. Но мошка и правда отстала. Вернее, пересела на рюкзак, где и устроила гнездо за те пять минут, пока он жевал.

Утреннюю трапезу Виктор проспал, поэтому завтрак ему принесли прямо к дуплу. Два молодых ящера — Шш-ар-рах и ещё один, которого звали Тсс-и-ли («Та, что смеётся хвостом»), — положили перед ним плоский камень с горкой бледно-розовых личинок. Личинки были живыми и слегка шевелились.

— Еда, — пояснил Шш-ар-рах. — Хорошая. Много силы.

Виктор посмотрел на личинок. Личинки посмотрели на Виктора. Внутренний голос, который обычно твердил «ты никчёмный», внезапно сказал «это белок, ешь». Виктор зажмурился, взял одну, хрустнул — и понял, что на вкус это

как пресная фасоль, только склизкая. И ещё дёргается. Он проглотил.

— Ещё, — сказал он сдавленно. — Но следующую я, пожалуй, поджарю.

Тсс-и-ли издала короткий свист — кажется, это был смех. Потом принесла сухих листьев, показала, как заворачивать личинки и запекать на углях. Получилось не вкуснее, но хотя бы без конвульсий.

День третий.

На третий день он отравился.

Не насмерть — просто его стошнило в папоротники, и Тсс-и-ли принесла ему выпить какой-то белесый отвар, от которого на языке остался налёт, как от мела. Причиной отравления стал плод, который Виктор сорвал сам. Плод был прекрасен: ярко-оранжевый, с синими прожилками, размером с абрикос. Пах ванилью. На вкус оказался как смесь пломбира и манго, что и сгубило — Виктор съел два, прежде чем Тсс-и-ли заметила и издала шипение тревоги.

— Ядовитый? — спросил Виктор, икая.

— Нет. Просто очень вкусный. Ты съел два. Это много. Организм не готов. Будешь болеть.

— Почему ядовитые всегда красивее?! — возмутился он, лёжа на листьях и глядя в изумрудный потолок.

— Чтобы их ели, — ответил Кшш-та-ра, бесшумно появляясь рядом. — Красивое хочется попробовать. Деревья знают это. Поэтому смерть часто сладкая. А жизнь — горькая, как тот лист от мошкары. Ты разве не замечал?

Виктор не ответил. Он вдруг вспомнил Орск, серые девятиэтажки и запах жжёного масла из чебуречной у вокзала. Там не было ни красивых плодов, ни сладкой смерти. Там была медленная, пресная жизнь, в которой он прятался от себя самого. И эта жизнь была тоже по-своему ядовитой. Просто медленного действия. Как те пельмени из гастронома — вроде ешь, а вроде и не ешь.

— Замечал, — сказал он наконец. — Но забыл.

Кшш-та-ра сел рядом и ничего не сказал. Они долго сидели молча, и это молчание было не неловким, а каким-то правильным. Виктор подумал, что если бы он умер прямо сейчас, это было бы не самое плохое место. Но лучше всё-таки не умирать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.